

Встреча Е.Т. Гайдара с предпринимателями. Курск 19 января 1995г.

Стенограмма.

Е.Т. Гайдар.

Поскольку здесь собрались предприниматели, я постараюсь говорить не о политике в основном, а об экономике. Постараюсь рассказать о тех факторах, которые, по моему мнению, определяли развитие событий в экономике в 1994 году и, видимо, будут определять и в 1995 году.

Конец 1993 года с точки зрения экономической политики, вообще был временем довольно серьезных надежд на экономическую стабилизацию. Надо сказать, что весь 1994 год и 1995 год может быть описан как драма экономических лагов, как драма взаимосвязи между разновременными процессами, попросту говоря, российская экономика это примерно как тяжеловоз, как тяжелый грузовик. Ты сначала начинаешь тормозить и через несколько десятков метров он останавливается и разгоняется он не сразу. Короче говоря, если тебя интересует, что будет происходить социально в феврале, тебе надо смотреть не на январь, а на август-сентябрь, Если тебя интересует, что будет происходить с валютным курсом, тебе надо смотреть не на то, что происходило в предшествующие две недели, а тебе надо смотреть на то, что происходило два месяца назад. Эти лаговые взаимосвязи сегодня уже неплохо изучены, неплохо исследованы. Они очень четкие. Они позволяют краткосрочно сегодня чудесно прогнозировать целый ряд важнейших характеристик российской экономики.

Если бы мы горели одной жаждой любой ценой выиграть выборы 93 года в декабре, то мог бы вам сказать, что зная эти лаговые зависимости, мы могли бы это сделать абсолютно элементарно. Для этого нужно было всего лишь навсего сразу после октябрьского кризиса в Москве в октябре-ноябре начать быстро-быстро печатать деньги. И тогда бы мы выплатили все задолженности по бюджету, задолженности по зарплате, по социальной сфере, задолженности селу, накопившиеся в силу колеблющейся, безответственной политике Черномырдина весной 1993 г., показали бы, как может здорово работать правительство, не связанное с бывшим Верховным Советом, а потом, когда уже прочно и надежно выиграли бы выборы, расплачиваться бы за это пришлось бы резким ускорением инфляции только в феврале 94 года, когда мы бы уже все прекрасно расселись в своих креслах.

Естественно, что ничего подобного мы делать не стали, а наоборот использовали эти месяцы для целого ряда очень жестких мероприятий, которые могут стоить поражения на выборах, к сожалению, любой из демократических партий. Именно в это время мы

отменили хлебные субсидии, мы отменили импортные субсидии, мы отменили льготные кредиты, мы начали поэтапное повышение квартплаты и т. д.

Короче говоря, провели целый ряд мероприятий, которые позволили заткнуть самые крупные бюджетные дыры, позволили резко сократить потребность в бюджетном заимствовании, соответственно резко снизили темпы роста денежной массы, создали предпосылки финансовой стабилизации в 94 году, но за которые надо было дорого расплачиваться народу. Что мы, собственно, и сделали.

После выборов 93 года российское правительство, российские органы власти, Президент оказались перед такой очень серьезной стратегической альтернативой. Что делать? Можно было понять относительный неуспех демократов на выборах как следствие слабости, компромиссного характера реформ, неуверенности политики правительства Черномырдина. Если мы хотим добиться экономического роста до президентских выборов, нам надо сейчас резко активизировать наши усилия по финансовой стабилизации, политизации рынка, по созданию гаранта частной собственности, по военной и аграрной реформам и соответственно начать новый цикл реформ, что мы предлагаем. А можно было интерпретировать эти результаты как следствие общего недоверия всех к демократии, необходимости большего государственного регулирования, большей державности во внешней политике, большего акцента на права полиции во внутренней политике и т. д.

В общем, тогда был сделан второй выбор – выбор, по-моему, очень опасный, выбор, за который мы сегодня расплачиваемся, в том числе экономически. И тогда основная драматургия года, в том числе экономически, была predetermined.

В начале 1994 года еще продолжает действовать (опять же подчеркиваю: под влиянием лаговых зависимостей) действовать вот эта финансовая сдержанность осени 93 – зимы 94 г. Темпы роста денежной массы резко сократились. И дальше начинает проявляться целый набор стандартных следствии. Ну, во-первых, предсказуемой становится динамика валютного курса. Все знают: валютный курс упадет на 4% в месяц, может быть, на полпроцента выше, может быть, на полпроцента ниже, но никак не за рамки этого показателя.

Второе. Начинают устойчиво снижаться процентные ставки, вплоть до 130 процентов. Следующее. Сбережения перестают так быстро обесцениваться и начинает расти доля сбережений в располагаемых доходах населения, появляются потенциальные финансовые ресурсы для инвестиции в национальную экономику.

С осени 93 года у нас устойчиво положительная процентная ставка. Соответственно возникают предпосылки для того, чтобы хранение денег в рублях стало

выгоднее, чем хранение в долларах. И здесь многие хозяйственные агенты принимают решение: перевести свои агуары из долларовой в рублевую форму. Отсюда существенный рост доли денег во внутреннем продукте и быстрое торможение инфляции, которая довольно резко идет вниз весной, в начале лета 94 года.

Все это вместе создает предпосылки для еще одного очень важного процесса – для изменения структуры распределения кредитных ресурсов. У нас впервые за долгое время начинает сокращаться доля краткосрочных кредитов и расти доля долгосрочных кредитов.

Возникает кредитный рынок, не только 3-месячных денег, 6-месячных денег, но и годовых кредитов и т. д.

Все, кто изучал экономику, механику стабилизации, подъема, знают, что это и есть как раз ключевые признаки намечающейся через полгода стабилизации. Так всегда и происходит. Именно по этим характеристикам ее и отмечают.

Самое обидное в это время состояло в том, что, казалось бы, все это как раз проявлялось, эти позитивные процессы уже шли, нам, к сожалению, было ясно, что перелом уже произошел и перелом крайне негативный, который скажется, в конце лета – осенью 94 года.

Правительство, к сожалению, только два месяца (февраль и март 94 г.) удерживается на пути относительно сдержанной финансовой политики, создающей базу для стабилизации, для начала инвестиции в национальную экономику. Уже в апреле на правительство хорошо надавили коммунисты и аграрии. И правительство в очередной раз дрогнуло и под напором написало бюджет: 10 трл. ничем не обеспеченных дополнительных расходов на субсидии.

Я разговаривал с моими друзьями в министерстве финансов: вы понимаете, что этих денег не будет. Ну, конечно, понимаем, ну что делать – это политическое решение. Решили пойти на компромисс.

Я выступал в парламенте несколько раз и говорил: коллеги, дорогие, ну не будет этих денег, не надо себя обманывать. Вы можете по-другому принять бюджет, вы можете сказать: мы вот с этим согласимся, что не надо денег на образование, а давайте эти деньги дадим на дотацию села. Ну, давайте делить деньги, которые есть, не будем делить воздух. Нет, проголосовали бюджет вот с этим воздухом. Уже с апреля денежной массы убавилось по сравнению с осенью 93 г. То есть эта бомба начинает потихонечку активизироваться. В июле-августе темп роста денежной массы резко идет вверх. Правительство берет в Центральном банке только за два месяца 13 трл. руб. кредит. Обоснования те же: Север, сельское хозяйство и т. д.

Ну, когда это все происходило, мы неоднократно говорила: эти деньги не пойдут ни на село, ни на Север: они пойдут только в одно место: на валютный рынок. Сегодня, по-моему, не надо быть доктором экономических наук, чтобы это знать.

С августа начинается резкий рост спроса на валюту. И здесь Центральный банк допускает целый ряд очень серьезных ошибок, которые дорого обошлись. Первое. Уже после того, как начал на полную мощность работать печатный станок (я имею в виду безналичные деньги), Центральный банк еще снижает процентную ставку и разрешает снижать ставку по депозитам Сбербанка, как будто сам, подталкивая население к переводу денег из рублей в доллары.

Второе. Правительство, которое довольно активно работало на рынке ГКО (государственных краткосрочных обязательств), и оттягивало часть свободных денежных ресурсов на этот рынок, только что оно напечатало много денег, оно закрыло основные свои потребности, и оно уходит с рынка ГКО, резко сокращая предложения и соответственно выгоды операции с ГКО. Значит, не только население подтолкнули к доллару, но и предприятия, банки подтолкнули к доллару. Естественно, начинает резко расти спрос на валюту. ЦБ, вместо того чтобы понять, что спрос на валюту на этом уровне, валютный курс, который сложился в это время (2200), все равно удержать невозможно, если уж напечатали столько денег, начинает тупо пытаться бороться с этой огромной волной рублевого выброса валютной интервенцией. И вот эта интервенция доходит до 400–500 млн. в неделю и довольно быстро ЦБ выбрасывает 3 млрд. долларов на эти валютные интервенции. Но за это время все равно становится ясно, что курс доллара вырастет за месяц не меньше, чем на 10 процентов. Это значит, что вложения в доллары снова эффективнее, чем вложения в рубли.

И в этот момент вся экономика (от директора крупного банка до домохозяйки, имеющей 10 долларов в банке) принимает одно и то же стандартное решение: вложение в доллары сейчас выгоднее, чем в рубли, значит, перераспределяем свои депозиты на долларовые. Спрос на валюту естественно возрос. А у Центрального банка исчерпан валютный резерв. Соответственно он отпускает курс, он начинает скакать, отсюда "черный вторник". И естественное резкое ускорение темпов инфляции осенью. Если у нас в августе инфляция 4%, то к декабрю – 16%. Начинает появляться дефицит на разные виды товаров. Это все расплата за апрель месяц.

Что приходится делать после этого ЦБ? ЦБ повышает снова процентную ставку, снова наиболее выгодными стали только валютные операции (они были невыгодны в конце весны – начале лета), снова стало более выгодно хранить деньги в валюте, чем в рублях, снова падает доля денег во внутреннем продукте.

Короче говоря, все эти факторы стабилизации, которые мы видели весной 94 года, они были все перечеркнуты большой жирной чертой и можно забыть про инвестиции в отечественную экономику, по крайней мере на конец 94 – начало 95 гг.

Правительство понимает, к какой опасной черте мы подошли, что продолжение движения в том же направлении по существу лишает каких бы то ни было шансов возможности маневра, может привести к полному исчерпанию валютных резервов, к скачкообразным изменениям курса, к дальнейшему резкому ускорению инфляции и т. д. И с октября правительство пытается довольно резко изменить политику. И на какое-то время Черномырдин вдруг начинает говорить языком Гайдара 92 года, именно тогда он говорил, что умеренно жесткая политика исчерпала себя, о необходимости жестком приоритете борьбы с инфляцией и т. д., и действительно кое-чего пытается заложить в макроэкономическую программу на 95 год, бюджет на 95 год. Уже с октября темпы роста денежной массы немножко идет вниз. И разработан бюджет на 95 год, основная идея которого довольно серьезные стабилизационные меры.

В чем замысел его? Замысел предельно простой: немножко сократим бюджетный дефицит; откажемся полностью от заимствования у Центрального банка (перестанем печатать деньги); бюджетный дефицит покроем выгодными кредитами Международного валютного Фонда и Мирового банка и кредитными операциями на внутреннем рынке. Таким образом резко сокращаем темп сброса денежной массы, приводим как бы в соответствие темпы спроса народного хозяйства на деньги, стабилизируем где-то с марта-апреля курс рубля, замораживаем курс рубля к доллару, получаем под это стабилизационные кредиты еще Международного валютного фонда; делается намного выгодным вложение денег в рубли по сравнению с долларами; постепенно начинает падать процентная ставка с весны; с весны идет сокращение инфляции, к лету инфляция где-то сведена до уровня менее 4% в месяц; валютный курс стабильный, в страну идет приток валюты, падение процентной ставки практически неизбежно выпихивает сбережения населения в инвестиции, с конца 95 г. начинается рост инвестиции. В 1996 г., к президентским выборам, выходим к растущей экономике.

Рискованная такая схема достаточно. Конечно, гораздо лучше было бы работать с ней при гораздо низком дефиците бюджета. Ну это уже упирается в системные реформы. Для этого надо было наступить на аграрное лобби, для этого нужно проводить военную реформу. К этому правительство не очень готово, По крайней мере, эта схема очень рискованная, но это нерешенный шанс, дающий основу для работы.

Этот бюджет, в общем, мы принимаем в конце 94 года, с некоторыми корректировками, скорее улучшающими, чем ухудшающими, в первом чтении.

Беда в том, что весь этот бюджет, вся эта программа никак не рассчитана на условия воюющей экономики. А мы к этому времени с размаху (я в данном случае не беру все сказанное здесь о политической стороне истории), мы с размаху оказываемся, вовлеченными в довольно дорогостоящий военный конфликт, этот военный конфликт почти сразу заметно изменяет экономическую ситуацию, резко ухудшает. Резко растет общий уровень инфляционных ожиданий. Общество разумно, оно видит (по телевизору) и понимает, что за все это надо будет платить. Оно даже догадывается, что, скорее всего, платить будем мы. Если платить будем мы, значит повторение инфляции неизбежно. Значит естественно опасаящееся инфляции общество (домохозяйки) резко увеличивают вложения в долларах. В конце декабря, когда должен быть сезонный спрос на доллары, его не происходит, а в начале января начинается резкий скачок спроса на доллары на внутреннем рынке. На этом многие играют, и это довольно активно подогревают, и эти игроки играют на понижение курса рубля.

ЦБ отвечает на это масштабными валютными интервенциями, опять как в августе. Я, честно говоря, мне эта политика кажется достаточно опасной. Потому что валютные резервы очень сильно истощены и есть риск не справиться, потом просто утратить контроль за рынком. ЦБ отвечает на это повышением опять процентной ставки уже до 200%.

Я, честно говоря, в создавшейся ситуации, наверное, не лавировал, я бы пошел на резкое снижение курса рубля по отношению к доллару до 4300, это вывело бы его в соответствии с реальностями. По, по-моему, ЦБ по политическим мотивам этого боится и скорее всего по этому пути не пойдет.

Теперь дальше, рост всплеска на валюту и отсюда очень неприятная альтернатива на валютный рынок: либо удастся переломить все-таки эту волну резкого ажиотажного спроса, либо надо девальвировать, либо можно пойти по пути, по-моему, самому опасному – это по пути усиления административного контроля на валютном рынке. Это уже начиналось после "черного вторника", когда произошла вполне понятная экономическая катаклизма, все начали искать виновных в коммерческих банках, которые в этом участвовали.

И сейчас естественная попытка ЦБ ответить на этот вызов за счет ужесточения операции с валютой. В общем можно двигаться по этому пути, но надо понимать, что здесь очень легко сорваться, придумать такую систему, при которой валютный рынок как бы у тебя есть, а на самом деле его уже нет. Вот как на самом деле сейчас существует в Казахстане, на Украине, в Белоруссии. Есть вроде рынок, а на самом деле ликвидного рынка нет. Купить и продать так просто валюту невозможно. И первый опасный симптом

– это всегда возникновение разницы между курсом наличных денежных продаж валюты и официально выработанным курсом. А возникает это вследствие очень серьезного кризиса всех рыночных институтов валютного рынка. Вот движение в этом направлении, давление на правительство и ЦБ, с тем чтобы оно в том или ином смысле отказалось от свободного рынка валюты это, по-моему, самое опасное, что сейчас может грозить. Если это будет, то это такой звоночек того, что все рыночные инструменты в России под огромным вопросом. Это неизбежный удар по импорту. Соответственно это неизбежный резкий проинфляционный импульс. У вас выпадает конкурирующий импорт, резко ускоряется динамика внутренних цен. Соответственно резко усиливаются стимулы к тому, чтобы ... различных формах регулирования цен. И вот дальше может пойти развал всех рыночных регуляторов.

Это та угроза, которая в настоящее время является вполне реальной. В общем произошедшее ставит огромный вопрос возможности реализации всего курса правительства на 95 год. Сейчас это инфляционные ожидания, повышение процентной ставки, но завтра придется платить по счетам.

Пока Черномырдин прислал нам бумагу, суть которой в том, что (он не знает, сколько будет стоить война, потому что война продолжается) восстановление будет стоить в первом варианте 5 триллионов и пойдет это за счет других статей. Короче говоря, то, что было на здравоохранение, пойдет на здравоохранение в Чечне, то, что шло на капвложения где-нибудь у вас, пойдет на капвложения восстановления Грозненского завода и т. д.

Это сама по себе цифра немаленькая. Это почти полпроцента валового внутреннего продукта. Но боюсь, что это не все. В перспективе мы оказываемся в самом неприятном положении. Война скорее всего не кончится с занятием президентского дворца. Об этом не трудно догадаться. Значит мы будем в положении, когда мы одновременно вынуждены платить за то, что воюем с чеченцами, кормить чеченцев и восстанавливать то, что мы там разрушаем.

Вторая неизбежная угроза – это резкое усиления позиции Армии при бюджетном торге. Армия всегда просит, как я заметил, ровно все бюджетные поступления. В нынешней ситуации, конечно, возможности отказать Армии или ограничить ее будут существенно уменьшены. Значит, возникает угроза существенного увеличения общих военных расходов.

Резерва в бюджете, как я уже подчеркивал, нет. Сразу встает естественный вопрос о кредитах мирового банка. Не то, что политические организации волнуется война в Чечне, а просто по бюджетным соображениям. Это крупнейший пакет, который был когда-либо в

мире реализован, никто не будет торопиться, они будут тянуть время. Они тянут время, а вам нужно платить в бюджет по счетам сегодня. А откуда? Печатание денег – вся бюджетная программа похоронена.

Тем более в условиях инфляционного ожидания вы точно уже знаете, что все печатные деньги попадут немедленно на валютный рынок и дестабилизируют рубль.

Вот, к сожалению, эта очень неприятная ситуация экономическая, в которой мы оказались. Путь из нее наиболее разумный, в общем, понятен. В плане внутренней политики – это все-таки поиск путей, которые позволят нам существенно снизить издержки на финансирование военных операций. Я за мирное решение чеченского кризиса и по общеполитическим соображениям, и по экономическим. Потому что я вижу, что это хоронит все наши шансы на стабилизацию экономики в 95–96 гг. И соответственно ужесточение бюджетной политики, наиболее последовательные реформы в области аграрной сферы, военной сферы, серьезная военная реформа, сокращение и перераспределение средств через федеральный бюджет между регионами. Короче говоря, реализация той программы, которая действительно может позволить нам получить надежные гарантии частной собственности, низкие темпы инфляции, низкие процентные ставки, предсказуемую динамику валютного курса и постепенно создать предпосылки снижения налогового бремени, что, собственно, и составляет базу для экономической стабилизации.

Удастся ли выйти на этот путь в 1995 году, у меня, к сожалению, есть большие сомнения. Боюсь, что 1995 год, когда главная задача – недопущение развала экономических институтов в том виде, в каком они существуют хотя бы сегодня, и любые созидательные задачи – это все-таки в том случае, если нам удастся добиться приличных результатов на выборах в 1995–1996 гг.

Теперь я с вашего разрешения отвечу, на поступившие вопросы.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, будет ли денежная реформа в России и как хотят поступать у нас с долларом?

Е.Г.: Первое. Надо сказать, что после двух абсолютно бессмысленных денежных операций, которые ЦБ провел в 91 году и 93, я никогда не смогу дать какого бы то ни было ответа на этот вопрос. Потому что мой общий ответ: она бессмысленна сегодня. Она бессмысленна была в 91 г., она бессмысленна была в 93 году.

Я не знаю сегодня о какой бы то ни было готовящейся реформе. Она сегодня абсолютно бессмысленна, если она готовится. Я не думаю, что ее будут в ближайшее время проводить. Это максимум того, что я могу сказать.

Теперь как хотят у нас поступать с долларом? Пока каких-то крупных решений по доллару, насколько я знаю, Центральный банк не вырабатывает и не готовит. Так что слухи о том, что предполагают заморозить доллар или обменять доллары для меня не имеют пока никакого подтверждения.

Надо понять, что если будет происходить стабилизация валютного рынка, то в тот момент, когда будет принято решение... естественно долларовые счета окажутся под большим вопросом.

Вопрос: ... были отпущены цены. Знали ли Вы, что это обесценит вклады населения. Вам не кажется, что результатом того, что сейчас происходит в Чечне, виноваты те силы, которые призывали голосовать за Конституцию, которая дала почти неограниченные права президенту?

Первое – по сбережениям. Я естественно знал, что сбережения обесценены. Я даже не знал, что они будут обесценены, я просто знал, что они уже обесценены, еще до всякой либерализации цен. Я знал это из данных о валютных резервах, которые мне стали известны, когда я был назначен премьером, из тех записок, которые я видел, еще в Политбюро ЦК КПСС и правительстве, которые мне были тоже известны. Короче говоря, я знал, что за сбережениями населения 91 г. ничего не стоит, за ними больше не стоит 1300 тн золота, которые были в 85 году, а стоит 1/5 часть. Я знал, что за ними не стоит 15 миллиардов долларов валютных резервов, которые были в 85 г. Я знал, что там нет ни цента. Я знал, что изъято 8 миллиардов долларов физических и юридических лиц во Внешэкономбанке. Здесь предприниматели, наверняка это тоже кого-то затронуло. Я знал, что сбережения неэффективные. Я знал, что об этом прекрасно знает коммунистическое руководство, получившее соответствующие записки. Я знал, что именно поэтому они не решаются начать реформы.

Теперь, что касается Чечни. Я помню прекрасно, что без всякой Конституции мы находились на грани точно такого же развития события до принятия этой Конституции в 92 году в ноябре месяце. В ноябре месяце 92 года, когда мы вводили войска в Ингушетию на фоне осетинско-ингушского конфликта, тогда была идея заодно решать чеченскую проблему. И тогда мне генералы тоже говорили, что за два часа всех раскидаем, наведем порядок. Я тогда не поверил, полетел во Владикавказ, потом поехал в Назрань, побывал в войсках, поговорил с военными руководителями, потом позвал к себе премьера Дудаева – Мамадаева и договорился о приостановлении продвижения войск. Потому что мне тогда уже стало ясно, что из этого получится не два часа, а большая, серьёзная кровь, тысячи жизней с непредсказуемыми последствиями и, может быть, на долгие годы кровоточащая рана. Так что никакой Конституции для этого не надо было.

Вопрос: ... полученные Вами наличными 11 млрд. руб. в конце сентября 93 года.

Ну естественно, для того чтобы перевести за рубеж и положить на свой собственный счет.

Е.Г.: Во-первых, получено не мной, а получено В.С. Черномырдиным, если быть совсем точным. Это очень простая история. Это было не в конце сентября, а это было вечером 3 октября, это было время, когда уже взяли мэрию и был штурм Останкино и Хасбулатов обещал взять Кремль. Тогда Черномырдин велел Минфину, в частности Вавилову (он тогда был первым замминистра финансов) на случай возможной блокады Дома правительства подготовить наличные деньги. Такую команду он дал Центральному банку. Ночью они были в Дом правительства на Старую площадь завезены, а на следующее утро ситуация изменилась, стало ясно, что заблокировать Дом правительства никто не будет, и они соответственно были возвращены. Вот и вся замечательная история.

Вопрос. "Коммунистическая правда": В статье Плюхова утверждается, что благодаря Чубайсу крупнейшие объекты проданы дешевле, чем хоккеисты... Ваш комментарий. Чубайс работал под Вашим руководством...

Е.Г.: Это восхитительный вопрос и на нем я с удовольствием остановлюсь.

Может быть, вы помните, а, может быть, нет, что программу приватизации наше правительство представляло в конце – начале года в Верховный Совет, и Верховный Совет должен был окончательно определять программу приватизации, в том числе и то, как и за что продавать. Все, что здесь говорится, это на самом деле говорится о так называемых льготах трудовым коллективам, то есть о 31% акций, которые коллектив по льготной, остаточной цене мог бы выкупать.

Я могу напомнить уважаемым коллегам, что второй вариант – 51% не существовал в предложениях правительства. Он был введен Верховным Советом, вопреки самым яростным протестам правительства и лично г-на Чубайса. Введен он был туда по инициативе коммунистической фракции бывшего Верховного Совета. Это именно коммунисты тогда, заботясь о правах трудовых коллективов, настояли на втором варианте с 51%, в результате которых эта часть имущества продается сейчас дешевле, чем хоккеисты. Больше того, именно Верховный Совет потом категорически запрещал правительству вводить повышающие коэффициенты, увеличивающие плату за имущество, выкупаемое трудовыми коллективами по остаточной стоимости, что Госкомимущество пыталось сделать.

Так что мы в данном случае вынуждены были реализовывать то законодательство, которое было действительно искорежено коммунистами и их союзниками, прекрасно

понимая, к чему это приведет. И многократно в Верховном Совете об этом говорят. Меня сейчас больше всего умиляет, что в этом теперь Чубайса упрекает газета "Правда".

Из зала: Но Вы тоже были коммунистом.

Е.Г.: Совершенно верно. Я состоял в КПСС. Я больше того, могу ответить, что в КПСС в России состояло очень много народу, и очень разного. В КПСС у нас были почти все от фашистов до либералов, так или иначе все вышли из КПСС. Я вышел из КПСС 19 августа 1991 года, после того как стало известно о попытке государственного переворота. И никогда этого не скрывал. Тогда вышел из партии весь мой институт и тогда мы закрыли нашу партийную организацию.

Вопрос: Низкий процент инфляции в начале 94 года в значительной степени результат задержки платежей крестьянству и другим сферам или не так? А если деньги в этих хаотических условиях уходят на валюту, то где же правительство, оно же должно управлять в интересах всего общества или это за него делает группа, умеющая перекачивать деньги из общего в свой карман.

Е.Г.: Первое, действительно правительство в 93 году, на мой взгляд, давало совершенно неприемлемый объем обещаний, что случилось после моей отставки в 92 году, когда пришел В.С. Черномырдин. Пришел добрый, хороший, решал всем помогать. Он тогда восстановил дотации селу, которые мы отменили. Он ввел льготные кредиты снова. Он установил высокие закупочные цены на продукцию села, была принята куча разных очень популярных решений, с одной единственной проблемой: никто не знал, как за все это платить.

Поэтому на самом деле проводилась как бы политика двух полицейских. Есть добрый полицейский и злой. Есть добрый полицейский – это В.С. Черномырдин, премьер, он всех понимает, всем готов помочь, прийти на помощь, но у него одна беда – министр финансов Федоров, ну никак с ним невозможно справиться, он никому не платит, ну что с ним поделаешь. Это политика, которая позволила на некоторое время снять напряжение, но приводила к очень серьезным долгосрочным неприятным последствиям. Именно поэтому, когда я вернулся в правительство (это случилось в сентябре 93 года), то наши усилия были направлены не на то, чтобы не платить деньги, а на то, чтобы сказать правду и отменить те обещания, которые сегодня невозможно выполнить. Именно поэтому тогда сразу отменили льготные процентные ставки. Именно поэтому тогда мы сразу же отменили хлебные субсидии. Именно тогда мы сразу отменили импортные субсидии. Именно тогда, кстати говоря, мы пытались отменить субсидии на корма, и отменили на

самом деле. Я пришел к Черномырдину и сказал: все равно это не будет заплачено, нет для этого денег в бюджете. Он говорит: знаю. Давайте отменим. Скажите правду. Выпустили постановление правительства. Через день смотрю новое постановление правительства, эти субсидии восстановлены. Что он нашел деньги? Нет. Будем платить? Нет, платить не будем.

Короче говоря, наши меры все-таки были направлены на то, чтобы устранить основные источники этого бюджетного пузыря. И к концу осени 93 года это в основном удалось.

Теперь что касается умения управлять спросом на валюту. Да, спросом на валюту надо и можно управлять. И как раз для этого существуют такие серьезные рычаги, как темп роста денежной массы, масштабы бюджетных заимствований, уровень процентной ставки, операции на открытом рынке. Короче целый набор возможных инструментов. Но этот набор не является всемогущим. Если ты хочешь приказывать валютному рынку, тогда тебе надо честно сказать, что у тебя не конвертируемая валюта, и забыть обо всех преимуществах, связанных с тем, что пока еще можно свободно обменять доллар.

Вопрос: Кого Вы видите на посту президента России, кроме себя?

Е.Г.: Я и себя там не вижу. У нас очень простая позиция. Мы считаем, что ситуация сейчас тяжелая и опасная, и поэтому главный вопрос для нас не в том, как нам получить идеального президента, а в том, что нам сегодня нужно очень широкое взаимодействие, просто разумности общества в процессе подготовки к следующим выборам. У нас может быть куча разногласий с Черномырдиным, но когда он начинает говорить про экономику так, как говорил Гайдар, значит с ним можно взаимодействовать, как и со многими другими.

Короче говоря, наше предложение предельно простое: широкая демократическая коалиция, вместе проводим парламентские выборы, после этого легче будет договариваться, кого выдвинем и поддержим в президенты. Сейчас это только может нас разделить.

Вопрос: На каком основании Ельцин выделяет Лужкову деньги, предназначенные для регионов, а Лужков вроде как от себя оделяет москвичей большими зарплатами, пенсиями. Что это подкуп москвичей перед очередными выборами? Так позволено делать Собчаку в Ленинграде. Неужели Вы думаете, что мы здесь в регионах совсем слепые и не видим все это безобразие. Мы требуем досрочных выборов президента...

Е.Г.: Первое. Это совершенно разная ситуация. По Санкт-Петербургу это совершенно неправда. Санкт-Петербург не является дотированным городом. Больше того, на самом деле Санкт-Петербург – один из крупных плательщиков в федеральный бюджет.

На самом деле по Москве тоже это не совсем правда, потому что по нетто-отношениям регион – федеральный бюджет Москва – и крупнейший плательщик в федеральный бюджет, и как неттоплательщик она вносит в федеральный бюджет гораздо больше многих и гораздо больше, чем Курская область, поэтому тут ситуация чуть-чуть не такая, как здесь сказано.

Другое дело, что и при этом целый ряд решений по Москве действительно, по моему, являются абсолютно неправильными, неприемлемыми. Особенно решение, которое предполагает выделение Москве валюты для закупок продовольствия, в то время, когда они испытывали огромные трудности с продажей продовольствия ближайшим регионам, в том числе, я думаю, и ваша область. Я категорически возражал против подобных решений. Это было в конце 93 года. Главное, что это до москвичей не доходит. Не надо думать, что это все для москвичей. Москвичам было бы лучше, если бы масло покупали дешевле в ближайших областях. Это, на мой взгляд, чистый лоббизм и бенефициариями являются не москвичи, а чисто коммерческие структуры. Типичный пример опасного лоббизма.

А Ваше предложение по досрочным выборам президента, я разделяю Ваше право его иметь, хотя мы не поддерживаем эту идею. Наша главная идея состоит в том, что даже если мы расходимся с президентом сегодня в политике, главное, чтобы выборы состоялись в срок. Республиканцы, скажем, категорически расходятся с Клинтоном в направлениях американской политики, тем не менее, никому из них не приходит в голову требовать досрочных выборов Клинтона. Они знают, что выборы будут происходить ровно в тот срок, который они назначали.

Вопрос: В одном из произведений 39 года Ваш дед Аркадий Гайдар писал, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную и счастливую землю, которая зовется Советской страной. Как Вы думаете, соответствуют ли этому призыву некоторые итоги, в том числе и Вашей государственной деятельности. Страна уже не огромная, не счастливая и не советская.

Е.Г.: Это как бы общий вопрос по моему отношению к деду и к тому, что он писал и делал. Я выступал здесь, повторять не буду, но предельно коротко. Дед был мальчишкой вовлечен в страшно кровавое колесо гражданской войны. Он в 13,5 лет впервые был ранен и воевал с 14 до 19 лет. Он искренне верил в те прекрасные идеалы, которые были начертаны на знаменах коммунизма, как, кстати говоря, очень много честных порядочных людей верили в эти идеалы, потому что эти идеалы действительно прекрасны. По крайней мере, пока они не были опробованы на жизнь, пока жизнь не показала, к какой страшной крови приводит попытка их воплотить, в каком историческом тупике оказываются

практически все страны, вставшие на этот путь. Он честно в это верил, он честно сражался за эту страну и честно за нее погиб. Я живу в другое время, я должен извлекать уроки из того опыта, которого не было в его распоряжении. Я знаю, к какой крови это привело, я знаю, к какому историческому тупику это привело. И я должен думать, как из этого тупика выйти.

Вопрос: Сегодня верхняя палата и Дума рассматривают предложение о соответствии правительства, недоверии ему, а Бориса Николаевича хотят привлечь к уголовной ответственности за нарушение Конституций. Как будут развиваться события?

Е.Г.: Насколько я знаю, по Конституции верхняя палата не имеет права выразить вотум недоверия правительству. Это до сих пор конституционная привилегия нижней палаты.

(Небольшой пропуск. Закончилась одна сторона кассеты)

Вопрос: ... и местная власть старается нагнетать эти мысли среди населения. Реформы, каковы бы они не были, тормозятся на местах местными властями всех уровней, народ не знает их.

Е.Г.: Да, это правда. Это совершенно точно соответствует действительности. К сожалению, наша серьезная ошибка была в том, что в 92 году мы не нашли время, силы, энергии, чтобы все-таки радикально поменять управленческие структуры на местах, особенно там, где они явно не понимали и не принимали реформ, делали всё возможное, чтобы их затормозить. Мы как бы дали огромную власть в руки людям, которые сами постоянно делая некие глупости, при этом постоянно показывали на Москву и говорили: вот видите, ну что они тут наделали, что же мы можем поделать.

Кстати говоря, именно поэтому очень важным считаю усиление наших организаций на местах, потому что из Москвы эту проблему серьезной кадровой реорганизации не решить. Опыт наших соседей показал, если ты достаточно решительно не меняешь кадры и не выделяешь людей, которые могут работать в новых условиях, без этого успешно справиться с задачами рыночной экономики никому пока не удавалось.

Вопрос: Нам сообщили о том, что до фермеров дошел один из 4-х рублей льготных кредитов. Объясните, куда делись оставшиеся три рубля.

Е.Г.: Вы знаете, вот тут я несу некоторую долю ответственности. В конце года (мы раньше распределяли льготные кредиты через АКОР и через фонд поддержки фермеров. Это не идеальная структура, там были какие-то свои проблемы, наверняка какая-то часть кредитов не доходила и были свои возражения по этому поводу, был огромный пресс глав администрации: ну что мы будем через общественную организацию деньги распределять, дайте их нам на места и тогда то мы уж точно доведем) я поддался этим уговорам и тогда

мы эти деньги перенесли на распределение через местные администрации. И они стали совершенно поразительно исчезать. Куда деньги стали уходить, наверное, догадаться можно (большой частью на валютные биржи), но проследить это после того, как передали местным администрациям, никому не удавалось.

Вопрос: Почему не сокращаются из Армии генералы, которые не могут выполнить комплекса для солдата: стрельба, бег, проживание в полевых условиях и т. д.

Е.Г.: Я, честно говоря, не знаю (то, что надо сокращать генералов в целом, вне зависимости от того, выполняют они комплекс для солдата или нет, у меня нет сомнения), но у меня нет сомнения, что соотношение генералов и солдат в нашей Армии абсолютно неприемлемо. У меня нет сомнения в том, что у нас огромное количество соединений воинских существует только для того, чтобы создавать генеральские должности. То, что требуется реорганизация Вооруженных сил, чтобы сделать их дееспособными, боеспособными, у меня тоже нет никаких сомнений. Надо ли предъявлять генералам требования выполнения комплекса для солдат, я, честно говоря, не уверен. Я думаю, в первую очередь они должны выполнять комплекс для генерала, соответственно уметь управлять войсками.

Вопрос: Вы говорили, что в аграрный комплекс уходили миллиарды долларов, а в селах колхозники не получают рубли по 7 месяцев, где эти доллары оседают?

Е.Г.: Понятно, где оседают. Во-первых, большая часть денег, выбиваемых на дотацию селу, всегда уходила на поддержку тех политических сил, которые эту дотацию добиваются. Это не является великим секретом. Но главная часть, конечно, идет дружеским коммерческим структурам и потом, в конце концов, идет на валютный рынок. В чем беда? Дело не в том, что мы против поддержки села. Мы считаем, что по ряду проблем она высшей степени нужна. Скажем, бюджетные ссуды на малую переработку. Но беда в том, что те формы, по которым предлагается это делать, это формы, заведомо гарантирующие полную бессмысленность выделения этих ресурсов. Чего стоит, скажем, система дотации на продукты питания, выделяемые через предприятия по переработке сельхозпродукции. Эти деньги не доходят до колхозов и совхозов, они работают только на одно – они увеличивают прибыль предприятий переработки и зарплату на этих предприятиях. Не знаю, как у вас, а во многих регионах именно так.

Вопрос: Что, по Вашему мнению, надо сделать, чтобы заработало производство страны эффективно.

Е.Г.: Для того чтобы поднять производство, нужно чтобы появились инвестиции, которые можно использовать для реструктурирования существующих производственных предприятий. Для того чтобы появились эти инвестиции, необходимо несколько

элементарных предпосылок. Первая элементарная предпосылка – это надежная гарантия частной собственности. Если не будет надежной гарантии частной собственности, то никогда деньги в производство не пойдут. Заниматься вложениями в производство без таких гарантий абсолютно невозможно. Поэтому сегодня вот такие гарантии – это стержень законодательной работы нашей фракции. Мы для этого проводили Гражданский кодекс. Для этого мы пытаемся провести закон о ценных бумагах. Именно для этого мы пытаемся провести закон об акционерных обществах и т. д. Закон о земле. Если ваше предприятие расположено на чей-то земле, вас могут завтра попросить с нее, если нет гарантий. Это первое, что необходимо.

Второе, что для этого необходимо и очень важно – это резкое снижение инфляции. Инвестиции – это сбережения, превращенные во вложения в производство. Есть известные закономерности, что нужно сделать, для того чтобы механизм работал. Процентная ставка должна быть меньше 100 % лучше, конечно, ниже 20. Главная задача снизить эту процентную ставку. Сделать это можно, снижая инфляцию. Предсказуемый валютный курс.

Очень важная стратегическая задача – это, конечно, снижение налогового бремени. Без снижения налогового бремени трудно нам будет добиться инвестиций в производство. Но тут надо понимать одну фундаментальную штуку, что налоги – это есть государственные расходы. У нас как-то очень забавно получается: у нас все готовы поддержать повышение государственных расходов и все готовы поддержать снижение налогов. Вот когда вы с человеком обсуждаете вопрос государственных расходов, он говорит: что, за счет моих денег? А у нас все время такое убеждение, что когда речь идет о государственных расходах, что какой-то дядя заплатит. Государственные расходы это и есть налоги во времени. Поэтому наша фракция всегда была единственной политической силой, которая решительно выступала за снижение государственных расходов. То есть за снижение общего налогового бремени и за счет снижения управленческих расходов, за счет военной реформы, за счет сокращения дотаций и субсидий и многих других направлений. Мы считаем, что это составляет абсолютно необходимую базу налоговой реформы, которая позволит поднимать производство.

Вопрос: Как Госдума додумалась до налога с одного га сельхозугодий в Курской области 2315 руб. Получается по песне: "Посеял дед гречку на краю печки" и рассчитался с налогом за один гектар, посадил одно растение – капусту, продал кочан... короче говоря, за увеличение ставки налога на сельхозугодия.

Е.Г.: Наша фракция всегда поддерживала это предложение. К сожалению, провести это решение через Госдуму при нынешнем составе, я думаю, невозможно, ибо против него выступит целый ряд фракций, начиная с аграрников.

Вопрос: Номенклатура в области и в районах заняла все руководящие места и теплые места раздала своей челяди. Почему в России не вносится на рассмотрение Думы закон об обязательном конкурсе на все должности, чтобы стояли у власти порядочные, толковые люди.

Е.Г.: Ну мы подумаем. Я посоветуюсь с коллегами. У нас в процессе работы над законом об их службе кое-какие идеи подобного типа есть. Посмотрим, что тут можно сделать.

Вопрос: Насколько в преддверии грядущих выборов готовы демократические силы к консолидации и выступить единым блоком и есть ли уже сейчас единая кандидатура на пост президента от демократических сил?

Е.Г.: На последний вопрос я отвечал – пока нет.

Насколько готовы к консолидации? У нас есть готовые разработанные предложения. У нас есть готовый проект соглашения о широкой демократической коалиции. У нас есть готовые предложения о том, как нам согласовывать позиции по мажоритарным округам. Короче говоря, с нашей стороны не только есть общая готовность, но есть конкретный блок документов, который мы направили нашим партнерам.

Вместе с тем мы обратились и к региональным организациям. Потому что в Москве не всегда легко договориться с демократическими лидерами, им застилают глаза личные амбиции. Мы считаем, в регионах часто это легче сделать, потому что отсюда гораздо виднее, поскольку все эти личные амбиции мало кого здесь интересуют. Поэтому мы считаем, что вместе с тем инициирование такой работы (мы будем заниматься и в Москве) должно идти и через регионы, и через региональные демократические организации.

Вопрос: Вы прекрасно разбираетесь в банках и их возможностях, но когда же Вы начнете понимать, что государственный аппарат, правительство обязаны в первую очередь заботиться о стимулировании производства.

Е.Г.: Да это я, по-моему, всегда понимал. Если вы почитаете нашу программу "Углубление экономических реформ", вы увидите, что ее стержень – создание предпосылок для стимулирования роста производства. Вы увидите, что мы точно наметили, когда это возможно. Вы увидите, сравнив это с опытом других стран, именно в эти сроки оно и начинается: третий год после начала реформ, на второй год после

снижения инфляции повсеместно начинается реальный рост производства. Так что это всегда было нашей целью. Но мы прекрасно понимали, что идея инфляционной накачки экономики для стимулирования производства ни к чему, кроме экономического развала, не приводит.

Вопрос: Где Ваши предложения по развитию отечественного производства. Вы дали толчок к падению отечественного производства. Пора заняться самокритикой.

Е.Г.: По поводу падения отечественного производства здесь надо разделять два существенно разных процесса. Первое – совершенно неизбежное падение производства при структурной перестройке. Нам не нужно многое из того, что мы делали. Когда мне говорят: когда наша страна выйдет на уровень производства 90 года, я считаю, что по некоторым направлениям, я надеюсь, никогда. Надеюсь, мы никогда не выйдем на наш уровень производства не только по танкам, самоходным орудиям БМП, пушкам, боеприпасам и т. д., но и по целому ряду других изделий. Я не думаю, что мы когда-нибудь выйдем на наш прежний уровень производства комбайнов, когда мы, закупая 30 млн. тонн в Америке, производили комбайнов в 16 раз больше, чем США. Вряд ли мы будем производить такое количество землеройной техники, потому что мы роем каналы так, как будто собираемся строить пирамиды, соревноваться с фараонами или быть мировыми чемпионами по рытью канав. Мы никогда не могли объяснить для чего это делаем, где результаты. Мы вкладывали в мелиорацию каждый год намного больше, чем в легкую промышленность.

Короче говоря, по целому ряду направлений падение производства является абсолютно оправданным. Другое дело, когда начнется рост производства того, что нужно, когда пойдут инвестиции, позволяющие использовать этот производственный потенциал для выпуска продукции, которую можно было бы продать за деньги.

Вопрос: По-прежнему ли Вы будете поддерживать тех, кто против строительства партии по производственному принципу. В современных условиях Вы ведь работаете главным образом среди пенсионеров. Едва ли это принесет успех.

Е.Г.: Есть соответствующее законодательство. В общем мысль поддерживаем. Мы не подчеркиваем идею построения партии по производственному принципу. Это ведет к тому, что когда директор завода или председатель колхоза говорят: ну-ка записывайтесь в партию, а не хочешь – у тебя будет масса неприятностей.

Вопрос: В 91 году вице-президент Руцкой настаивал на разоружении Чечни, утверждал, что через два года в Чечне мы получим такой очаг войны, который обойдется нам очень дорого материально и морально. Вы были с Ельциным против. Почему?

Е.Г.: Я не был вместе с Ельциным против. Я просто в это время работал еще директором Института. Я был назначен и приступал к исполнению своих обязанностей в тот момент, когда история с введением чрезвычайного положения провалилась.

И мой первый день работы в правительстве был как раз тогда, когда Верховный Совет отменил введенное там чрезвычайное положение. Поэтому я как бы не наблюдал изнутри принятия решения, но потом, естественно, задним числом его пытался проанализировать. Действительно Руцкой предлагал тогда решить эту проблему с Чечней. Это замечательно, если было бы тогда реализовано. Мне рассказывал один из моих коллег, полковник Генерального штаба, его вызвали тогда срочно к Руцкому, с картой Чечни. Положили карту, Руцкой рисовал там стрелы, какие войска куда должны идти и как все это надо сделать. Но дело в том, что это была осень 91 года. Еще существовал Советский Союз. Это было время, когда все силовые структуры были просто парализованы, потому что Союз как бы еще есть, но его уже нет. Россия уже есть, а Армии еще у нее нет. Руцкой дает приказ внутренним войскам, а Баранников мечется между ним, Ельциным и Горбачевым. Горбачев дает приказ никуда не двигаться. 300 человек внутренних войск попадает в аэропорт, их там блокируют немедленно, а техника никуда не идет. Технику перебрасывает в одну сторону, например в Моздок, а живую силу – в другую. Короче говоря, выясняется, что никакие реально силовые структуры в данный момент в Советском Союзе, в России не работают. Это та реальность, которая сложилась после августа 91 года. Это та реальность, от которой мы начинали, Если у меня до чеченской авантюры тогда была иллюзия, что у нас еще есть какие-то силовые структуры, то после того, как это все провалилось, у меня эти иллюзии исчезли. И я прекрасно понимал, что сначала надо что-то отстроить, добиться того, чтобы Армия выполняла приказы, тогда уже стали возможны такие операции, как мирное разграничение Южной Осетии, Молдовы, потом с большой кровью, но все-таки остановленная война в Ингушетии, Осетии. Это уже 1992 год. Осень 91-го надо понимать, что никакая Армия вообще никого не слушала, никаких приказов.

Вопрос: Считаете ли Вы возможным поставить вопрос в Думе в связи с сообщениями относительно отстранения президента Ельцина от власти?

Е.Г.: Нет. Мы обсуждали этот вопрос. Мы не поддерживаем эту инициативу я уже сказал, по каким аргументам. Наша главная задача состоит в том, чтобы укоренились демократические институты. При этом надо добиться, чтобы выборы произошли в срок: и парламентские, и президентские.

Вопрос: Несете ли Вы лично ответственность за события в Чечне?

Е.Г.: Непосредственной ответственности, думаю, что не несу. Думаю, что сделал все возможное от меня зависящее, для того чтобы войну предотвратить, действуя как бы аппаратными каналами, пытаюсь убедить президента и премьера, остановив один раз в ноябре 92 года, создав предпосылки, позволившие, на мой взгляд к 94 году урегулировать эту проблему на основе экономического и политического давления, переговоров, сделав все, что мог, для того чтобы убедить президента в страшных последствиях этого решения. Вроде нет. Ну что ж в конце концов я когда-то возглавлял российское правительство, в какой-то степени ответственен за все, что произошло с этого времени.

Вопрос: Правду ли говорит Явлинский, что в вашей программе 91 года, которую Вы предложили Ельцину, был предусмотрен раскол Советского Союза?

Е.Г.: Совершенно правильно. Как бы исходным было соображение, что Советский Союз как реальное государство перестал существовать с августа 91 года. На самом деле любой может вспомнить, что в то время не было ни одного клочка суши, на котором действовали союзные законы, что во всех республиках было принято законодательство, что республиканские законы действуют поверх союзных, что к этому времени все таможни подчинялись республиканским органам, что 15 центральных банков были независимы и т. д. Это просто был объективный факт, из которого, к сожалению, приходилось исходить. Весной 91 года я голосовал за сохранение Советского Союза, но после того, как Советский Союз реально после 19 августа 91 года распался, это была реальность, с которой надо было считаться.

Вопрос: Не жалеете ли Вы о поддержке Ельцина в 93 году?

Е.Г.: Нет все-таки не жалею о поддержке Ельцина в 93 году, так же, как и о поддержке Ельцина в 91, в 92. Вы знаете, российская демократия – штука очень молодая и ее надо каждый раз защищать по-новому. Я считаю, что Ельцин был правильным человеком для России, когда он в августе 91 года выступал на танке, в общем остановил развитие событий. Это сейчас они кажутся опереточными, а вполне могло быть сопротивление серьезным. Я думаю, что он был правильным человеком, когда все-таки не ушел, как многие и Горбачев, от ответственности и в 92 году дал возможность проводить реформы. В 93 году он много раз (я это знаю изнутри) пытался найти компромисс с Верховным Советом. Я ушел в отставку в декабре 92 года из-за одного из таких компромиссов. И я видел, как большинство Верховного Совета категорически от таких компромиссов отказывались, – полностью потеряв стыд к этому времени из-за приватизации служебных московских квартир, и т. д. Поэтому я не жалею о том, что поддержал его в 93 году. Другое дело за демократию, еще раз подчеркиваю, надо

сражаться в России долго, я, если мы были вместе в 93, а сегодня он делает нечто опасное для демократии, естественно, я не могу это поддерживать.

Вопрос: Ваше отношение к социальной политике, в частности к повышению минимальной зарплаты, пенсии?

Е.Г.: Я считаю, социальная политика должна быть в первую очередь честной. Не надо никогда врать в социальной политике. Социальная политика это в первую очередь бюджет, реальные деньги, которые вы выделяете. Главный мой аргумент против принятия этого закона, который был выдвинут, очень простой: разработчики не показали ни одного расчета о том, за счет чего все это произойдет. Если таких расчетов нет, значит это типичный классический случай обмана. Мы часто видели, когда всем пообещают, а потом говорят, что нет денег. Я считаю, что политика должна быть правдивой. Надо поддерживать социальную сферу. И надо перераспределять деньги (это как бы наше программное требование) с поддержки неэффективных предприятий на поддержку необеспеченных людей. Именно поэтому мы поддерживаем принятие закона о прожиточном минимуме, но только с конкретными просчетами, точно зная откуда возьмутся обещанные деньги.

Уважаемые коллеги, я полностью исчерпал время.

Вопрос: Свыше 1600 офицеров запаса стоят в очереди на жилье. В стране около 120 тысяч бесквартирных военнослужащих запаса. При Вас принималось постановление от 20 августа года по обеспечению жильем, но оно не выполнено. В чем дело?

Е.Г.: Совершенно точно не выполнено. И дело здесь в первую очередь в том, о чем я сказал, в том, что у нас реально военная реформа, о которой много говорили в 92 году, так и не началась. А если это так, то значит все деньги будет съедать сегодня денежное довольствие, содержание огромной Армии, которая нам просто не под силу. И все обещания по этому поводу так и будут оставаться только обещаниями.

Уважаемые коллеги, спасибо.

Вопрос: Как можно все же сделать, чтобы правительство перестало говорить неправду.

Е.Г.: Ну это очень просто, просто надо перестать говорить неправду.

Вопрос: Идет ли реформа в Армии? Генерал Лебедь утверждает, что нет.

Е.Г.: В данном вопросе я согласен с генералом Лебедем.

Вопрос: В какое время может быть проведена реформа в Армии и в каких направлениях она должна идти.

Е.Г.: Ну здесь нет чудес. Если думать, что завтра можно начать экономить на Армии, было бы глубокой ошибкой. Нужны серьезные усилия по ее реорганизации.

Главное направление – вполне естественное: сокращение численности Вооруженных сил; приведение состава частей и соединений в соответствие с численностью и реальными угрозами безопасности; повышение доли мобильных частей; оснащение Армии высокоточным оружием, позволяющим компенсировать сокращение численности; постепенное повышение уровня социальной защищенности тех, кто продолжает служить в Армии. Постепенное, не сразу, но увеличение доли тех, кто служит в Армии на профессиональной основе.

Вот основные направления. Здесь нет ничего мудрёного. Это все очень просто. Какие только странные вещи не говорили, что вообще Армию нельзя сокращать, что это слишком дорого. Это ерунда, считаем, всегда дорого содержать ту Армию, которая тебе не по силам. Все остальное все равно дешевле.

Так что это можно сделать. Это не быстро. Это вопрос не месяцев, а двух-трех лет. Но за 2–3 года можно очень серьезно реорганизовать Армию, привести ее в соответствии с нашими реальными потребностями и возможностями.

Вопрос: Как Вы относитесь к высказыванию Ленина: политика есть концентрированное выражение экономики.

Е.Г.: Я думаю, что Владимир Ильич во многом здесь прав.

Вопрос: Что происходит вокруг налогов, какие решения, по-вашему, будут приняты?

Е.Г.: Правительство сейчас немножко пересмотрело свои предложения после последнего обсуждения правительства, после последнего обсуждения налоговой системы. Что сейчас предлагается и что, видимо, будет принято? Первое. Отмена 3-процентного специального налога, дополнительного НДС. Второе. Увеличение с 6 до 8-ми минимумов необлагаемой заработной платы. Третье. Упорядочение льгот по налогу на добавленную стоимость и отмена нулевой ставки налога на добавленную стоимость на импорт. Четвертое – предлагается повысить верхнюю ставку подоходного налога с 30 до 35%. Я должен сказать, что наша фракция будет голосовать против этого. Мы убеждены, что верхняя ставка подоходного налога должна быть 30%.

Это, пожалуй, все из наиболее крупных вещей, которые будут приняты в ближайшее время.

Если говорить о наших ориентирах, мы считаем, что стратегически мы должны идти по пути увеличения доли по земельным налогам, по имущественным налогам, налогам на загрязнение окружающей среды, при сокращении налога на доход.